

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Народныя сказки Александра Сергѣевича Пушкина. С. Петербургъ. Изданіе книгопродавца Якова Алексѣевича Исакова. Годъ не означенъ, но цензурою онѣ пропущены лѣтомъ 1872 г.

Насъ просили сдѣлать публикацію о выходѣ въ свѣтъ брошюрокъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Брошюрки эти теперь передъ нами; ихъ полнымъ счетомъ шесть штукъ. Съ ненапущенною скорбію смотримъ мы на эту книгопродавческую спекуляцію и думаемъ: па что только потрачены труды, бумага и деньги! Невольно приходитъ намъ при этомъ замѣчаніе св. Димитрія ростовскаго, сдѣланное имъ по поводу выхода въ свѣтъ никому ненужныхъ виршей современника его, Иоанна Максимовича, бывшаго впоследствии тобольскимъ митрополитомъ: «книга стиховъ печатныхъ прислана мнѣ; Богъ далъ тѣмъ виршеписателямъ типографію и охоту и деньги и свободное житіе; мало потребныя вещи на свѣтъ происходятъ.» Въ самомъ дѣлѣ, кому нужны эти сказки о Золотомъ пѣтушкѣ, о царѣ Салтанѣ, о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ и проч. и что въ нихъ собственно народнаго? Мы понимаемъ еще, что все это имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи русской литературы, одна изъ главныхъ представителей которой былъ въ свое время Пушкинъ: но что изъ этихъ сказокъ можетъ почерпнуть наше простонародье, столь усердно обучаемое теперь грамотѣ? Извлечетъ ли оно *какой-нибудь урокъ для себя?* Научится ли дѣйствовать и мыслить умѣе купца Остолопа и работника его Балды? А между тѣмъ брошюрки изданы изящно, на хорошей бумагѣ, съ вишнетками и картинками, пѣна назначена сравнительно небольшая. Но, *можетъ быть, грамотѣй, прочитавъ эти брошюрки, самъ станетъ разсказывать такимъ же складомъ? Полноте, — любой сельскій балагуръ разскажетъ вамъ сказку про Вову королевича или Еруслана Лазаревича далеко складнѣе всѣхъ на свѣтѣ Пушкиныхъ.* Примѣръ-этотъ мы видѣли недавно на сибирскомъ мужичкѣ, пріѣзжавшемъ въ Петербургъ и забавлявшемъ цивилизованную публику своими побасенками. Охота же пичкать голову грамотнаго простолюдина такими пустяками! Лучше бы вы дали ему что нибудь «отъ божественнаго», разсказали про минувшую судьбу Руси православной, познакомили бы его съ сокровищами и нуждами земли родной, тогда поблагодаритъ бы васъ и старшій и малшій. По убѣжденію православнаго простолюдина, *всяко писаніе должно быть направлено ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, ко наказанію еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человекъ, на всяко дѣло благое уготованъ;* ⁽¹⁾ а такія издѣлія, какъ сказки и побасенки, годятся ему лишь на верченіе папиросоу, который онъ приготовляетъ для себя изъ махорки и газетной бумаги.

И съ чего это вообразили, что Пушкинъ поэтъ народный? Лѣтъ тридцать тому назадъ, мы говорили, и теперь повторяемъ, что «онъ скорѣе поэтъ, такъ называемаго, большаго свѣта и даже, если хотите, того кружка, члены котораго «всему учились понемногу, чему нибудь и какъ нибудь», и отъ ~~всего~~ болѣе серьезнаго взгляда на жизнь нельзя и требовать. «Хорошо, ~~печать~~ 1846

⁽¹⁾ 2 Тим. 3 ст. 16 и 17.

году, понимая призваніе и значеніе поэта, какъ выразителя высшихъ потребностей народнаго духа, онъ добровольно покорился условіямъ свѣта и требованіямъ современности; отъ того, воспроизводя впечатлѣнія ложнаго духа времени, онъ никогда не возносился до выраженія того, что невредимо хранилось отъ лжеименнаго просвѣщенія въ духовной сокровищницѣ русскаго народа. Всѣ его стихотворенія, въ эстетическомъ отношеніи, запечатлѣны самою изящною отдѣлкою; но всѣ онѣ ложны въ духовномъ отношеніи, потому что въ основѣ ихъ лежитъ или плохо понятая идея истинно изящнаго, или умышленный софизмъ. Религіозная сторона жизни русскаго народа совершенно имъ не тронута; многія картины, написанныя Пушкинымъ, обильственны и полны самаго искусительнаго соблазна. Никогда не углубляясь въ тайны души человѣческой, онъ быстро схватывалъ мимолетныя явленія, происходившія на поверхности ея, и рисовалъ, не обращая вниманія на нравственное ихъ достоинство.» (1)

Такъ говорили мы назадъ тому почти тридцать лѣтъ, и убѣжденіе наше не только не измѣнилось, но укрѣпилось еще болѣе, въ виду тѣхъ плодовъ, какіе принесены сѣяніемъ поэта на воспримчивой почвѣ нашего юношества: *оскудѣли дѣвы добрыя, и юноши въ жаждѣ.* (2)

Нравственное достоинство сочиненій Пушкина, какъ поэта, лучше и вѣрнѣе всего опредѣляется тѣмъ, что ни одинъ благоразумный воспитатель, (3) ни одинъ попечительный отецъ, ни одна благочестивая мать не дадутъ—первые своимъ воспитанницамъ, а послѣдніе своимъ дочерямъ ни одного тома стихотвореній этого мнимо-народнаго поэта. Подъ роскошью картинъ и описаній, подъ бойкими и звучными стихами, въ самой большей части поэтическихъ издѣлій Пушкина скрывается развѣдающая тля глубокой безнравственности, однимъ словомъ выражаемой седьмою заповѣдью.... Разъ только, да и то при концѣ бурной и многмятежной своей жизни, удалось ему «вознестись во области заочны»; но онъ очутился тамъ не въ своей сферѣ, и потому перефразировалъ только въ плохихъ стихахъ, что такъ просто, ясно и понятно говорится въ вдохновенной молитвѣ св. Ефрема Сирина. Вотъ посреди жрецовъ и поклонниковъ Ваха и Киприды онъ былъ свой человѣкъ.

Такимъ образомъ, по нашему искреннему, глубокому убѣжденію, Пушкинъ съ своею поэзіей, не годится не только для православнаго народа, въ тѣсномъ смыслѣ послѣдняго слова, но и для нашихъ учебныхъ заведеній. Его можно чтать или тѣмъ, въ комъ уже укрѣпились религіозныя и нравственныя убѣжденія, или тѣмъ, для которыхъ необходимы возбуждающія картинки подольской фотографіи, или, наконецъ, тѣмъ, которые впечатлѣніе, производимое на нихъ чтеніемъ, выражаютъ фразою: «ахъ, какъ хорошо сказано!»

(1) Краткое Начертаніе Ист. Русск. Литер. В. А. 1846 г. стр. 134.

(2) Амос. 8 ст. 14.

(3) Нынѣ такихъ воспитателей немного, да едва ли и есть они. Примѣч. корректора.